

С. И. Бобылева, А. И. Кадол

Днепропетровский национальный университет

**«НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС»
В РОССИИ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ГЛАЗАМИ ЦАРСКИХ САНОВНИКОВ**

Розглянута антинімецька кампанія, що розгорнулася в Росії в роки Першої світової війни. Дане явище досліджене в історичній ретроспективі, з урахуванням як внутрішньо-, так і зовнішньополітичних факторів, що визначили його специфіку. Особлива увага при аналізі проблеми приділена маловідомим урядовим документам і мемуарам.

В широком спектре проблем внутріполітичної життя Російської імперії часів Першої світової війни значительное место занимают вопросы этнонациональных отношений и этнополитики царизма. Эта война стала настоящим испытанием для России. Ее государственный механизм предполагал чрезвычайную концентрацию власти в руках корпуса высшей бюрократии – царских сановников. Современные исследования свидетельствуют, что реальная власть в России принадлежала «номенклатурной верхушке», насчитывавшей 6 343 высших сановника¹. Однако решение задач, связанных с обеспечением интересов государства, стало непосильной тяжестью для чиновничества. Война выявила болезненные проблемы и вопросы, решение которых, как свидетельствует исторический опыт, было достаточно не простым. Так, национальные вопросы, которые вызывали активные дискуссии в российском обществе, представляли собой клубок противоречий и доказали невозможность или, напротив, нежелание царского руководства направить этнонациональные конфликты по пути компромиссов между нациями и властью, между самими народами России.

Целью данной статьи является исследование развития «немецкого вопроса» в годы Первой мировой войны в освещении царских сановников.

В ситуации военного конфликта со странами Четвертного блока «немецкий вопрос» приобрел особую значимость, поскольку в россий-

ком государстве имелась многочисленная немецкая диаспора. Условия войны с Германией требовали от России максимального использования военно-экономического потенциала, общественно-политических ресурсов. В то же время в стране наблюдалась мобилизация имперского национализма, разжигание этнической ксенофобии. Это объясняет исключительно репрессивный характер правительственных мероприятий по отношению к представителям российского немецкого этноса. Такая политика была невозможной без широкого использования пропагандистской машины². А немецкий этнос стал своеобразным материалом для психологических экспериментов самодержавия. Все это было связано с кризисом управления страной, обострением борьбы за власть на фоне поражений российской армии.

Истоки и идеология. Усиление внимания со стороны власти к немецкому населению во время Первой мировой войны было закономерным явлением политической жизни и имело свою предысторию — дискуссию по «немецкому вопросу» в российском обществе в конце XIX — начале XX вв.³ Немецкому населению, проживавшему на территории Российской империи, была присуща западноевропейская ментальность. Надежда на то, что реформы Александра II (отмена крепостных привилегий, ликвидация их особого управления, введение общей воинской повинности, изменение социального статуса) приведут к полной интеграции немецких поселенцев в российское общество не оправдалась. Кроме того, большое недовольство православного клира вызвало распространение штундизма среди крестьянства, в чем не без основания обвинялись лютеранские и меннонитские пиеисты⁴. К этому добавились неудачи административно-политического ограничения немецкой колонизации юго-западных губерний. Эти явления беспокоили часть российского общества, в первую очередь его консервативный элемент.

Царизм, решая проблемы большой политики, был вынужден обратиться к вопросу о судьбах немецкого населения России. Наличие в стране многочисленной немецкой диаспоры, ее расселение в стратегически важных с точки зрения военных интересов регионах, успехи немцев в области экономики — все это взволновало царизм особенно после 1871 г., т.е. с момента создания единого немецкого госу-

дарства, ибо автоматически сделало часть немцев России гражданами Германского рейха⁵.

Поэтому не удивительно, что в конце 1880-х – начале 1890-х гг. в обществе стал муссироваться тезис о «мирном завоевании» России немцами. Рычагом влияния на немецкую диаспору царизм избрал путь земельных ограничений, что, в свою очередь, сопровождалось нагнетанием антинемецких настроений. Они коррелировались характером отношения с Германией. Динамика российско-немецких торгово-экономических, военно-дипломатических и политических отношений вплоть до 1914 г. подпитывала «немецкий вопрос» импульсами, создавала своеобразный фон для внутривнутриполитических решений царизма. В обществе вызревали антинемецкие настроения, формировалась германофобия, которая в полной мере проявила себя в 1915–1916 гг. Одно из ее проявлений – оценка предвоенной российской политической действительности генералом А. А. Брусиловым, который утверждал, что «немец внешний и внутренний был у нас всесилен; он занимал самые высшие государственные посты, был *persona gratissima* при дворе... русско-немецкая партия требовала ценой любых унижений крепкого союза с Германией, которая плевала на нас»... «немцы царили во всех сферах народной жизни»⁶. Неподготовленность России к войне в морально-психологическом плане также виделась А. А. Брусилову в чрезмерном влиянии, которое якобы оказывали на российскую политику «внутренние» немцы.

Позиция А. А. Брусилова по «немецкому вопросу» свидетельствует о том, что ряд государственных, военных деятелей той эпохи оказался под влиянием русского национализма, национализма без чернотенных партий и офоциальных погромных демаршей, но который позволил многим царским военачальникам в годы Первой мировой войны решать судьбы инонационального населения одним, единственно известным им способом, – депортацией.

Политика. Характерной практикой антинемецкой кампании военных лет 1914–1915 гг. была депортация немецкого населения страны из регионов его компактного проживания⁷. Однако царское правительство так и не признало того факта, что насильственное выселение и интернирование немецкого гражданского населения имело характер депортации. Эти акции объяснялись тактикой «выжженной

земли»⁸ и проводились в рамках эвакуации населения с театра боевых действий. Массовые депортации этнических немцев совпали с Великим отходом российской армии (1915) и иногда пояснялись достаточно гуманными целями – исключить возможность попадания этнических немцев в армию противника, помешать германской армии использовать гражданское население западных рубежей России как своего резерва в боевых или пропагандистских целях. Военная политика 1914–1915 гг. по этому вопросу характеризовалась отсутствием какой-либо системности выселения. Во многом депортация зависела от боевых неудач российской армии и германофобии националистически настроенных военачальников.

Поверхностный обзор действий российской разведки (контрразведки) времен Первой мировой войны, вышедший из-под пера советских военных специалистов, частично подтверждает тезис о шпионском «засильи» немецких подданных за рубежом в 1914–1918 гг., в частности в царской России. Однако эти данные требуют тщательной проверки, в первую очередь достоверности используемых источников, поскольку тема «зловещего немецкого влияния» и «немецкого шпионажа» в дореволюционной России была достаточно ангажирована и имела широкий международный резонанс⁹. В то же время нельзя не учитывать тот факт, что страх царизма перед возможной «пятой колонной» в годы Первой мировой войны сыграл определенную роль в решении «немецкого вопроса». Кроме того, царское правительство, подталкиваемое практикой союзников в отношении к немецким диаспорам, в развернувшейся антинемецкой кампании в России учитывало международный опыт государственного национализма – карательных и ограничительных мероприятий, направленных против иностранцев.

Очертив контуры политики царизма по отношению к немецкому населению страны в предвоенный период и в годы Первой мировой войны, можно утверждать, что в чрезвычайных условиях правящая элита тяготела к практике использования образа «этнического врага». Поэтому в тех условиях в обществе был естественен посыл: кто они, немецкие колонисты, немецкие беженцы, немецкие административные переселенцы, «верноподданные», «вольнопленные», как не «свои», «удобные» враги?

Более полная картина антинемецких кампаний в России указанного времени невозможна без анализа политических баталий, развернувшихся за «кулисами» официальной политики. С этой целью целесообразно обратиться к специфическим историческим источникам – корпусу мемуаров царских сановников и ряду правительственных документов. Однако если мемуарная литература времен войны уже стала полноценным достоянием научной аудитории, то бесценные нарративные документы полуофициального характера еще не были привлечены в достаточной мере для исторических исследований.

К такому роду «полуофициального» нарратива следует отнести публицистическое наследие А. М. Яхонтова, помощника управляющего делами Совета министров России. Его назначение на должность фактического руководителя министерского делопроизводства произошло в июле 1914 г., и пребывал он в этом качестве до октября 1916 г. Яхонтов неоднократно присутствовал на «тайных» заседаниях Совета министров, где обговаривались наиболее сложные и острые вопросы политики военного времени, и регулярно фиксировал ход правительственных дебатов; другого официального делопроизводства, кроме Особых журналов Совета министров за подписью царя, не велось.

Сегодня известно, что документы Яхонтова хранятся в архивах России, США и большей частью опубликованы. Однако исследователи слишком мало внимания уделили этому источнику, крайне важному для изучения проблем политики России времен Первой мировой войны. Это побуждает нас обратиться к его анализу. Материалы военных лет составляют своеобразный документальный триптих: «Тяжелые дни (секретные заседания Совета Министров – 16 июня – 2 сентября 1915 г.)»¹⁰; «Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.М. Яхонтова (Записи заседаний и переписка)»¹¹; «Записи про секретные заседания Совета Министров»¹². Сам Яхонтов с горечью определил основную мысль своего наследия таким образом: «Если судить о положении дел по разговорам в Совете, то вместо писания истории скоро придется повисеть на фонаре»¹³. И нужно отметить, что предчувствия не обманули чиновника. Государственный строй России рушился, старания оттянуть падение монархии были безуспешными, а государственно-политические институты не выдерживали вызова военного времени. Система управления

находилась в состоянии конфликта с новыми требованиями, одним из которых был коллапс национальных проблем.

«Немецкий вопрос» также нашел своё освещение в материалах Яхонтова, привлечение которых к разработке «немецкой» темы украинской историографией послужит для историков ценным источником информации. Наследие Яхонтова, представляющее собой размышления по поводу политики России времён Первой мировой войны, неоднородно. Так, особенностью «американской» публикации¹⁴ записей секретных заданий правительства является её открыто выраженный мемуарный характер и претензии автора на биографический зарисовки видных государственных деятелей. Однако сам Яхонтов уже в процессе писания признал, что беллетристика ему как мемуаристу не под силу. Поэтому для бывшего чиновника логичным было продолжение привычной работы в доступном ему стиле протокольной записи. Историческая ценность его работы состоит в достоверном описании психологического надлома власти и общества, который был так характерен для царского руководства при решении задач военного времени.

Данная публикация охватывает временной промежуток от предвоенного периода и начала войны 1914 г. до середины 1915 г., что позволяет проследить основные проблемы в дебатах правительства и этапы формирования политики по «немецкому вопросу». Как видно из материалов последний стал яблоком раздора среди высших эшелонов власти. Так, Яхонтов зафиксировал 17 октября 1914 г. полемику по вопросу о борьбе с «немецфильством», развернувшейся в прибалтийских губерниях: закрытие учреждений, конфискация имущества, ликвидация заводов и фабрик, высылка «подозрительных» лиц¹⁵. По этому поводу министр внутренних дел Н. А. Маклаков заметил, в частности, «что мы... вступаем в область широкого военного размаха, вне зависимости от гражданских соображений»¹⁶. Недовольство министра было вызвано тем, что территории, на которых развернулись боевые действия, были выведены из его подчинения согласно законам военного времени, а действия военной администрации вызывали жалобы и просьбы о защите гражданского населения.

Правительство было обеспокоено нарушением многолетних устоявшихся правил в отношении «иностранного населения», поэто-

му не поощряло зачастую безответственных действий военных властей по отношению к немецкому населению. Записи Яхонтова предоставляют возможность понять кризис политики государственной власти по национальному вопросу. Кроме того, они в определённой мере объясняют политику военных структур, направленную на поиск «внутреннего» врага.

Так, на заседании 24 октября 1914 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов затронул вопрос о военной цензуре. Он утверждал, что в числе цензоров находились сотрудники германской фирмы «Сименс и Гальске», «вызывающие у военных властей подозрения в германофильстве и шпионаже»¹⁷. Однако в данном случае «немецкий вопрос» интересовал министра лишь с точки зрения конфликта гражданской власти со штабом верховного главнокомандующего. Иными словами, борьба за власть имела место даже в тяжёлое время войны.

28 октября 1914 г. в правительстве проходили бурные дебаты по проблеме формирования общественного мнения. И здесь «немецкий вопрос» был поднят с целью политической спекуляции. Министры обсуждали статью «Предел терпению» в газете «Новое время». В ней содержался протест против терпимости в отношении к иностранным поданным. Яхонтов отмечал погромные призывы текста. Публикация содержала намёки на то, что, если либеральная политика по отношению к «неприятельским поданным» не изменится, то народное терпение, возмущённое известиями о немецких зверствах и расправах с русскими людьми, может лопнуть.

Правительственная дискуссия выявила различные точки зрения. Так, Сазонов, назвавший «Новое время» «отхожим местом для буйных патриотов», был ярким противником всякой германофобии. «Недопустимо в настоящее время, – утверждал министр иностранных дел, – когда все силы должны быть сосредоточены на достижении победы, будить страсти, звать к погромам, к человеконенавистничеству... надо положить этому решительный предел и оказать суровое воздействие на этих поджигателей общественного мнения»¹⁸. Глава царского правительства И. Л. Горемыкин был более прямолинеен и счёл недопустимым «ежедневную и ежевечернюю травлю немцев»¹⁹. В то же время И. Г. Щегловитов выразил свою поддержку развернувшейся антинемецкой кампании в печати. Он утверждал, что «газеты только выражают естествен-

нос чувство возмущения против беззащитного политического врага России»²⁰. Эта позиция не была случайной. Впоследствии именно И. Г. Щегловитов возглавил одно из направлений такой борьбы с «немецким засильем», как ликвидационная деятельность правительства в сфере хозяйственных отношений российских немцев.

В целом большинство министров пришло к мнению, что «возбуждение народных масс к самосуду, хотя бы и во имя quasi-высоких патриотических порывов – опасная игра с огнём»²¹. Однако часть министров как раз и делала ставку на последнее. В первую очередь это касалось Министерства внутренних дел и военного министерства. Для реализации проявившегося «немецкого вопроса» Сухомлинов и Маклаков видели препятствие в лице «августейшего» Николая Николаевича – руководителя ставки, подчинившего себе все сферы общественной жизни Петербурга. Министры отмечали, что в военных кругах господствуют по немецкому вопросу иные течения, чем в правительственных»²². Вместе с тем ими отмечалось (как нежелательная тенденция) озлобление против немецкого населения страны, вызванное военной пропагандой, бороться с которой они рассчитывали путем обращения к начальнику штаба верховного командующему генералу Н. Н. Янушкевичу с просьбой смягчить газетную кампанию против немцев.

Большой информативностью отличается публикация Яхонтова «Тяжелые дни», описывающая пик кризиса правительства во второй половине 1915 г. В работе освещены важнейшие вопросы секретных заседаний Совета Министров в течение июля – сентября 1915 г., когда обозначился переломный момент для России как на полях сражений, так и во внутренней жизни. Данный источник является ярким примером «полуопределенного» нарратива, поскольку Яхонтов свои воспоминания дополнил протокольными записями, сделанными им по долгу службы в правительстве, и вел повествование о «тяжелых днях» в жизни России, оперируя государственными документами. Однако ни в коей мере этот источник нельзя отнести к сугубо мемуарной литературе, поскольку его документальная база значительно превышает личные воспоминания и является специфической публикацией официальных документов по истории России времен Первой мировой войны. Вместе с тем Яхонтов, выступая в роли составителя записок

секретных заседаний министров, руководствовался, как он писал стремлением «оживлять те страсти, настроения, стремления и помыслы, которые были присущи изучаемой эпохе»²³. В этом просматривается претензия автора на историчность работы. И действительно, в его работе «... исследователь великой войны и предреволюционного времени найдет... бытовой материал для характеристики как общего положения России, так и отдельных правительственных деятелей»²⁴.

«Тяжелые дни» выгодно отличаются от других публикаций Яхонтова. В них содержится фиксация практически ежедневных правительственных дебатов и наиболее подробное описание событий. Как видно из документов, приоритетным вопросом были отношения Совета министров со штабом верховного главнокомандующего. В силу этого судьба немецкого населения зависела от юридических хитросплетений военного времени. Так, в частности, согласно положению о полевом управлении войск от 16 июля 1916 г., регулирующему вопросы военной политики, вся полнота власти на театре военных действий принадлежала руководителю ставки²⁵.

По сути, великий князь Николай Николаевич обладал всеми полномочиями царского наместника, с чем не могли смириться гражданские министры, ища удобный случай для обвинений (иногда заслуженных) военных структур в халатности. Таким поводом стал «немецкий вопрос». Большими полномочиями были наделены командующие армиями фронта и их помощники по административно-хозяйственной части, ведавшие снабжением. Как свидетельствуют архивные документы, именно они подписывали приказы о депортации немцев. Яхонтов приводит министерскую справку от 16 июля 1915 г., которая отразила некоторые аспекты конфликта гражданской и военной власти: «Без предварительных сношений с Советом Министров ... был осуществлён ряд мер в отношении выселения во внутренние губернии немцев-колонистов и евреев, а также возложена ... обязанность выдавать заложников»²⁶.

В целом же работа с населением в районе дислокации царской армии была сосредоточена в гражданской канцелярии ставки и руководил ею князь Н. Л. Оболенский. Злободневным вопросом, обсуждаемым сановниками чуть ли не ежедневно, было движение беженцев. Яхонтов зафиксировал обсуждение 2 сентября 1915 г. в Совете министров справки

канцелярии князя Н. Л. Оболенского по этому предмету. Государственный контролер П. А. Харитонов счел справку по вопросу беженцев «совершенно неприличной по своей тенденции и свободному обращению с фактами». Его возмутило то, что согласно этой справке «все благополучно, все заранее предусмотрено, что военные власти одна невинность, что движение стихийное, а не искусственно созданное»²⁷. А. В. Кривошеин «с прискорбием выслушал и содержания оной не одобрил»²⁸. Он говорил о личной беседе с генералом Н. Н. Янушкевичем, имевшим славу яркого ксенофоба и националиста. А. В. Кривошеин заявил: «Янушкевич... по поводу беженцев прямо сказал мне, что война идет огнем и мечом и что пусть страдают те, кто попадают по пути»²⁹.

Выселение немецких колонистов проводилось в рамках политики ставки по отношению к беженцам и эвакуации населения. О катастрофичности этих мероприятий высказывался временный военный министр Поливанов³⁰. Правительство считало массовое выселение гражданского населения различных национальностей недопустимым явлением и порицало методы этой политики (уничтожение имущества населения, всеобщее разорение эвакуируемых территорий, убийства карательными отрядами землевладельцев, отказывающихся покинуть усадьбу и т.д.). Все эти действия министры называли «генеральским произволом». Наиболее последовательно политика «выжженной земли» проводилась в юго-западных губерниях России, откуда было депортировано наибольшее число немецкого населения. «Систематическое опустошение, — гласил документ, — прифронтовых местностей юго-западного края заставляет думать, что командование не надеется вернуть этот край в обладание России и хочет оставить неприятелю сплошную пустыню»³¹.

Из публикуемых Яхонтовым записей мы узнаем о специфике движения беженцев. Это была беда многих тысяч людей, обратная сторона политики военного времени, о которой недостаточно сказано в других источниках. В обществе знали, но открыто не говорили о голодной и замученной толпе, о пьянствах, мародерстве, грабежах и насилиях³². Тяжелое положение высылаемых немцев, как и других категорий беженцев, усугублялось недовольством местного населения, которое «встречало их кольями»³³. Увечья и убийства «неблагодарных» граждан не были исключением.

Если военное командование «внутренним врагом» России объявляло немецкое население страны, то царские сановники, напротив, обращали правительственную критику на политику военной администрации в отношении «инородцев». Так или иначе «немецкий вопрос» выступал заложником политической борьбы в стране. В связи с этим, повествуя о заседании правительства 24 июля 1915 г., Яхонтов отметил, что «генералы все более начинают заниматься внутренней политикой, стараясь отвлечь от себя внимание и перенести ответственность на другие плечи»³⁴. Широкое распространение в обществе получила идея перераспределения немецких земель в пользу особого земельного фонда, образованного в условиях военного времени. По этому поводу А. В. Кривошеин заявлял, что ставка оказывает давление на его ведомство и требует издания царского указа о «наделении землею наиболее пострадавших и наиболее отличившихся воинов»³⁵.

Так, Н. Н. Янушкевич рассчитывал этой мерой поднять дух армии и заинтересовать русского солдата материально. В письме к А. В. Кривошеину он писал, что «сказочные герои, идейные борцы и альтруисты встречаются единицами, таких не более одного процента, все остальные – люди 20-го числа»³⁶. Начальник штаба полагал, что «драться за Россию красиво, но масса этого не понимает», поэтому «героев надо купить» землями немцев-колонистов³⁷.

Данное предложение ставки правительство восприняло в штыки; сочтя его недопустимым, наивным и глупым. Было сказано, что в то время, когда «... на фронте все рушится, неприятель приближается к сердцу России, Янушкевич заботится только о том, чтобы отвести от себя ответственность за происходящее... Как генерал Янушкевич имеет мужество продолжать руководить военными операциями, когда он не верит в армию, в любовь к родине, в русский народ»³⁸. Аналогичным было выступление министра внутренних дел князя Н. Б. Щербатова, который утверждал, «что никто еще не покупал героев, что любовь к родине и самоотвержение не рыночный товар... солдаты бегут, приведенные в отчаяние, а Ставка будет их уговаривать – не бегите, землицы получите. Какой позор и какое нравственное падение»³⁹. В целом правительство посчитало невозможным наделить многомиллионную армию землей, несмотря на то, что уже в

то время активно проходила кампания по ликвидации немецких земель согласно указу от 2 февраля 1915 г.

Итак, «Тяжелые дни» дают возможность проследить отдельные направления антинемецкой политики, проводимой российскими официальными структурами власти в начальный период Первой мировой войны, и выявить позиции царских сановников по «немецкому вопросу».

Следующая публикация Яхонтова – «Совет министров Российской Империи в годы первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка)» – характеризуется протокольно-тезисным изложением материала, который в значительной степени дополняет предыдущие работы автора. Специфика текста требует анализа изложенных событий как с учетом всего наследия Яхонтова в частности, так и знания той исторической эпохи в целом.

До сих пор не совсем ясным остается вопрос: «Каковы же истинные истоки антинемецкой кампании в России времен Первой мировой войны?» Ответ на него мы находим в документах Яхонтова, которые убедительно показывают, что в разрешении «немецкого вопроса» в годы Великой войны были заинтересованы наивысшие государственные круги. В частности, об этом свидетельствует содержание беседы от 14–17 октября 1914 г. между Николаем II и столичным градоначальником и командующим особой 6-й армией Фан дер Флитом⁴⁰.

Документы подтверждают, что в антинемецкой политике мнение царя было определяющим. Николай II считал борьбу с «немецким влиянием» крупной государственной задачей, осуществимой лишь во время войны. Речь шла не о бывших немецких колонистах, а о присутствии на российском рынке германского крупного капитала. Так, 26 августа 1916 г. в письме к английскому королю Георгу V Николай II отмечал, что наличие бывших германских банков в стране он считает серьезным объектом для борьбы, поскольку их «... влияние ... даст себя незримо, но сильно чувствовать – особенно в медлительности выполнения приказов об изготовлении военных припасов, снаряжения и т.д.»⁴¹.

В этой публикации представлены различные аспекты антинемецкой кампании – ограничения деятельности германских концернов и прав германских подданных, назревание антинемецких по-

громных настроений среди населения, политика военной администрации по высылке немецкого населения с ликвидацией немецких земель. Так, во всеподданнейшей записке члена Государственного совета Ф. Ф. Трепова⁴², рассмотренной в Совете министров 8 октября 1914 г., впервые был поднят этот вопрос. Необходимость ликвидации немецкого землевладения рассматривалась как важнейшая государственная задача. Итоги обсуждения получили отражение в Особом журнале Совета министров от 14 октября, 25 и 28 ноября, 2, 5, 16 и 19 декабря 1914 г. и 10 января 1915 г. «О некоторых вызываемых военными обстоятельствами мерах к сокращению землевладения и землепользования в Государстве Российском»⁴³. Основные положения журнала легли в основу ликвидационного закона от 2 февраля 1915 г. Также упоминается закон 13 декабря 1915 г., распространивший нормы закона 2 февраля⁴⁴ на большую территорию.

Как видно из протоколов, уже 2 декабря 1914 г. были намечены планы по ликвидации земель немецких колонистов, а не только иностранцев⁴⁵. Причем активная роль в этом процессе отводилась штабу верховного командования.

В записи от 26 мая 1915 г. Яхонтов зафиксировал, что министр внутренних дел Маклаков докладывал о сложностях применения на практике данного закона, поскольку в Волынской и Херсонской губерниях не могли правильно определить даже количество немецкой земли. «Придется искать мертвые души. Ждать результатов обследования»⁴⁶, — заявил министр.

Все эти данные показывают, что такая политика была отдельным направлением деятельности царских органов власти во время войны, поскольку в ходе антинемецкой кампании земельный вопрос был определяющим.

Таким образом, публикации Яхонтова, посвященные преимущественно секретным правительственным заседаниям 1914–1916 гг., позволяют утверждать:

– в Совете Министров не было единого мнения по решению «немецкого вопроса»;

– наметившимся репрессивным тенденциям по отношению к немецкому населению страны часть царских сановников противилась, однако они не имели ни реальных полномочий, ни большого желания их искоренить;

– ситуация двойственности власти – гражданской и военной, возможная в условиях военного времени, пошатнула русскую государственность;

– в условиях такого кризиса формирование антинемецкой политики представлялось удобным поводом для политической борьбы.

Перспективой дальнейшей исследовательской работы по данному вопросу является анализ мемуарного наследия других царских сановников с целью построения целостной картины антинемецких кампаний в России времен Первой мировой войны.

Примечания

¹Поликарпов В. С. История нравов в России: Восток или Запад? – Ростов н/Д., 1995. – С. 163.

²Оболенская С. В. «Немецкий вопрос» и представления в России о немцах в годы Первой мировой войны // Россия и Германия. – М., 2001. – Вып. 2. – С. 182.

³Шаццлло В. К. Первая мировая война. 1914–1948. Факты. Документы. М., 2003.

⁴Герман А. Антинемецкие кампании // Немцы России: энциклопедия / В. Кареев (пред. редкол.). – М., 1999. – Т. 1. – С. 62.

⁵Бовуа Д. Битва за землю в Україні. 1863–1914: Поляки в соціоетнічних конфліктах / Пер. З. Борисик. – К., 1998. – С. 293.

⁶Брусиллов А. А. Мои воспоминания. – Мн., 2003. – С. 82.

⁷Айсфельд А. Депортация / А. Айсфельд, В. Бруль // Немцы России... – Т. 1. – С. 697–702; Нелипович С. Г. «Немецкую пакость уволить и без нежностей...» // Воен.-ист. журн. – 1997. – №1. – С.47.

⁸Хаген фон М. Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и Первая мировая война. – С.Пб.: Б. г., С.404.

⁹Поль де Луи. Пятая колонна в Западной Европе: Загадки третьего рейха – М., 2004. – С. 270.

¹⁰Яхонтов А. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) // Арх. рус. революции. – М., 1993. – Т. 18. – С. 1–136.

¹¹Яхонтов А. Совет министров Российской Империи в годы первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (Записки заседаний и переписка). – С.Пб., 1999.

¹²Яхонтов А. Записки о секретных заседаниях Совета министров // Новый журн. – Нью-Йорк. – Кн. 221. – С. 85–123.

- ¹³ Яхонтов А. Записки о секретных заседаниях ... – С. 85.
¹⁴ Яхонтов А. Совет министров...
¹⁵ Яхонтов А. Тяжелые дни... – С.109.
¹⁶ Яхонтов А. Записки о секретных заседаниях ... – С. 109.
¹⁷ Там же. – С. 111.
¹⁸ Там же. – С. 112.
¹⁹ Там же.
²⁰ Там же.
²¹ Там же.
²² Там же.
²³ Яхонтов А. Тяжелые дни... – С. 5.
²⁴ Там же. – С. 5.
²⁵ Там же. – С. 10.
²⁶ Там же. – С. 12.
²⁷ Там же. – С. 131.
²⁸ Там же.
²⁹ Там же.
³⁰ Там же. – С. 32.
³¹ Там же. – С. 74.
³² Там же.
³³ Там же. – С. 64.
³⁴ Там же. – С. 23.
³⁵ Там же.
³⁶ Там же.
³⁷ Там же. – С. 23–24.
³⁸ Там же. – С. 24.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Яхонтов А. Совет министров ... – С. 85.
⁴¹ Шацлло В. К. Первая мировая война... – С. 226.
⁴² Яхонтов А. Совет министров... – С. 378.
⁴³ Там же. – С. 379.
⁴⁴ Там же. – С. 416–417.
⁴⁵ Там же. – С. 106.
⁴⁶ Там же. – С. 168.